

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/6

Л. Н. Толстой в художественном сознании С. А. Есенина: к истории вопроса

Светлана Андреевна Серегина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

serjogina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1695-5464>

Аннотация

С опорой на документальные свидетельства обозначены произведения Л. Н. Толстого, которые составляют важный контекст религиозно-философских представлений С. А. Есенина: это прежде всего народные рассказы, сборник «Круг чтения» и трактат «В чем моя вера?». На основе сравнительного анализа сделан вывод о том, что представление Л. Н. Толстого о «всеобщем братстве людей» стало одним из источников есенинского образа «братья-люди». Доказывается, что в том числе благодаря знакомству с произведениями Толстого Есенин обращается к поиску нового и истинного христианства с возможностью утвердить «свою веру». В качестве ближайших источников образа «светлого гостя» в поэме Есенина «Преображение» рассматривается образ Христа-гостя в народных рассказах Толстого.

Ключевые слова

С. А. Есенин, Л. Н. Толстой, литература, круг чтения, источник, образ, контекст, христианство

Благодарности

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-01038 «Н. А. Клюев и С. А. Есенин в диалоге с классиками и современниками: традиции и новаторство»)

Для цитирования

Серегина С. А. Л. Н. Толстой в художественном сознании С. А. Есенина: к истории вопроса // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 92–103. DOI 10.17223/18137083/92/6

© Серегина С. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 92–103

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 92–103

Leo Tolstoy in the artistic consciousness of Sergei Yesenin: toward a history of the question

Svetlana A. Seregina

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

serjogina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1695-5464>

Abstract

Based on documentary evidence, the works of Leo Tolstoy are identified, which form an important context for the religious and philosophical ideas of S. A. Yesenin: these are primarily folk stories, the collection Circle of Reading and the treatise "What is my Faith?". Based on a comparative analysis, it is concluded that Leo Tolstoy's idea of the "universal brotherhood of man" became one of the sources of Yesenin's "human brothers" image. It is proved that, among other things, thanks to his acquaintance with Tolstoy's works, Yesenin turns to the search for a new and true Christianity with the opportunity to affirm "his faith." The image of Christ the guest in Tolstoy's folk stories is considered as the closest sources of the image of the "bright guest" in Yesenin's poem "The Transfiguration".

Keywords

Sergei Yesenin, Leo Tolstoy, literature, reading circle, source, image, context, Christianity

Acknowledgments

The study was conducted at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Russian Science Foundation (project no. 25-28-01038, "N. A. Klyuev and S. A. Yesenin in Dialog with Classics and Contemporaries: Traditions and Innovation")

For citation

Seregina S. A. Leo Tolstoy in the artistic consciousness of Sergei Yesenin: toward a history of the question. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 92–103. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/6

Впервые тема «Есенин и Толстой» возникла в воспоминаниях современников поэта. В 1926 г. Л. М. Клейнборт писал о том, что Есенин знал Толстого «преимущественно по народным рассказам» [Клейнборт, 1986, с. 172] и в художественно-философском наследии писателя ему «было ближе всего отношение к земле» [Там же]. Вывод Клейнборта зиждился на основе его знакомства с рукописью Есенина, из которой сохранился только отрывок «<О Глебе Успенском>»: эту не дошедшую до наших дней в полном объеме рукопись Есенин подготовил в 1915 г. по просьбе самого критика, работавшего с 1914 г. над книгой отзывов читателей из народа об известных русских писателях. Мемуарные свидетельства друзей юности Есенина позволяют уточнить вывод Клейнборта. Так, Н. А. Сардановский вспоминал, что в 1911 и 1912 гг. поэт «проявлял себя как рьяный вегетарианец и толстовец» [Летопись..., 2003, с. 125], а его «общественные убеждения до 1913 года заключали в себе значительную дозу толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина» [Там же]. Благодаря Г. Л. Черняеву – соученику Есенина по Спас-Клепиковской учительской школе – мы располагаем косвенными свидетельствами о толстовском круге чтения поэта. Черняев вспоминал о собраниях ученического кружка на квартире друга Есенина Г. А. Панфилова: «Мы в наших беседах и спорах стали касаться вопросов тогдашней общественной жизни. Читали и обсуждали роман Л. Толстого "Воскресение", его трактат "В чем моя вера?" и другие книги писателя. Мечтали побывать в Ясной Поляне

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

(поездка не состоялась из-за денежных затруднений). Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина» [Прокушев, 1963, с. 84–85].

Новым этапом в развитии темы «Есенин и Толстой» стала работа Л. А. Архиповой по описанию книг и фрагментов книг, хранящихся ныне в фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в с. Константиново Рязанской области. Благодаря публикации Л. А. Архиповой [2001] стало известно, что в личной библиотеке Есенина находился «Круг чтения» Л. Н. Толстого, а разыскания С. И. Субботина позволили уточнить, что в фондах музея сохранились «с. 21–28 первого (1911) и с. 49–54 и 59–304 третьего (1912) выпусков “Круга чтения”» [Субботин, 2006, с. 339]. Этот вывод исследователь дополнил убедительным предположением: «Скорее всего, юный поэт приобрел все четыре выпуска этого издания, но в полном виде они до наших дней не дошли» [Там же]. Впервые тема «Толстой и Есенин» получила доказательное обоснование в комментариях С. И. Субботина к тому писем в Полном академическом собрании сочинений Есенина (1995–2002), где текстолог выявляет непосредственные следы чтения поэтом сочинений Толстого [Субботин, 1999].

Значительный вклад в изучение толстовского сюжета в творчестве Есенина внесла В. Ю. Евдокимова¹. Исследовательница ввела в научный оборот новые архивные материалы, на основании которых можно сделать вывод о книгах Толстого, которые «входили в круг чтения Есенина с детских лет» [Евдокимова, 2016, с. 86]. Это народные рассказы, в том числе «Бог правду видит», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно», «Три смерти», «Упустишь огонь – не потушишь», «Чем люди живы» [Там же, с. 87]. Толстовский круг чтения Есенина В. Ю. Евдокимова дополняет обнаруженной ею в фондах ГМЗЕ хрестоматией В. А. Мартыновского² с избранными произведениями Толстого: «Кавказский пленник», отрывок из романа «Детство. Отрочество. Юность» и «Севастопольские рассказы».

В 1910–1912 гг. повышенный интерес к наследию Толстого в русском обществе был вызван в том числе и драматическими обстоятельствами ухода писателя. Следствием этого интереса стали не только многочисленные публикации, посвященные осмыслению наследия Толстого, но и лекции о его религиозной философии. Так, 14 ноября 1911 г. в Рязанской духовной семинарии была прочитана лекция о Л. Н. Толстом, имевшая «большой успех» [Лекция..., 1911, с. 170]. Лекция прот. П. И. Алфеева была нацелена на критику учения Толстого, тем не менее сам факт ее проведения мог привлечь дополнительное внимание Есенина к наследию писателя. Отклик на лекцию был опубликован в «Рязанских епархиальных ведомостях, издаваемых при Братстве св. Василия Рязанского» [Лекция..., 1911, с. 170], которые входили в круг чтения юного поэта.

Интерес Есенина к наследию Толстого был вызван не только реальным контекстом, учебным планом и увлечениями спас-клепиковского ученического кружка³, но и расширением круга чтения поэта с 1911 г. В июле 1911 г. Есенин пишет Панфилову о своем посещении Москвы: «Купил себе книг штук 25» [Есенин,

¹ Ныне (2025 г.) заведующая отделом научно-экспозиционной и выставочной деятельности Государственного музея-заповедника С. А. Есенина.

² Трехтомная хрестоматия, впервые увидевшая свет в 1887 г., выдержала несколько изданий. См., например: [Русские писатели, 1889–1897].

³ В Спас-Клепиковской второклассной учительской школе Есенин обучался в 1911–1912 гг.

1999, т. 6, с. 9]⁴. Вполне вероятно, именно в это время Есенин приобретает для личной библиотеки толстовские сочинения, в том числе сборник «Круг чтения».

Устойчивый образ «Круга чтения» *люди-братья* является одним из ведущих для позднего Толстого. В этом сборнике словами Иосифа (Джузеппе) Мадзини Толстой подкрепляет свою мысль о том, что религия освящает ту связь, которая «соединяет всех людей, как братьев, имеющих один общий источник происхождения, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цель» [Круг чтения, 1911, с. 8]. Категория *всечеловеческого братства* не только организует художественно-философское пространство народных рассказов Толстого: ее религиозная составляющая – принципиально важная для писателя – рельефно обозначена в соответствующим образом подобранных эпиграфах из Евангелия. Так, рассказ «Упустишь огонь – не потушишь» предваряет цитата из гл. 18 Евангелия от Матфея⁵ [Толстой, 1885а, с. 1], «Чем люди живы» – слова гл. 3 и 4 Первого послания Иоанна⁶ [Толстой, 1886, с. 1]. Несомненно, Есенин был знаком с этими христианскими максимами до чтения народных рассказов Толстого. Однако евангельские слова о братстве, вынесенные в качестве эпиграфов, обретали особую силу: их религиозно-философский смысл получал подтверждение в убедительном художественном высказывании.

В сочинении Толстого «В чем моя вера?» (1883–1884), которое упоминает соученик Есенина Г. Л. Черняев, образ братьев возникает в толкованиях Толстого на разные места Евангелия, в том числе на послания Иакова (гл. 2 и 4)⁷: «Иаков увещевает братьев не делать различия между людьми. <...> Но если смотрите на лица, делаете различие между людьми, то делаетесь преступниками закона милосердия» [Толстой, 1906, с. 28–29]. Настойчивая мысль трактата Толстого заключается в том, что христианство – это «учение смирения, любви и всеобщего братства» [Там же, с. 85] и что только «любя братьев и будучи в мире с ними, можно войти в <царство Бога>» [Там же, с. 90]. Будущая жизнь мыслится Толстым как время, когда «все люди будут братья, и всякий будет в мире с другим» [Там же, с. 91]. Наконец, образ *людей-братьев* возникает в словах Толстого против войны: «Знай, что все люди – братья и сыны одного Бога, и не нарушай мира ни с кем во имя народных целей» [Толстой, 1906, с. 91]. Толстовская идея *неразделения людей в их всеобщем братстве* кажется органичной и близкой стихотворению Есенина «Брату Человеку» (<1911–1912>). Это произведение интересно не своим слабым художественным содержанием, но как поэтический документ, раскрывающий начальный этап формирования есенинского этического и философского идеала. Здесь Есенин обращается к демократической традиции русской литературы, в том числе к творчеству Н. А. Некрасова и его образу пахаря-страдальца. Однако некрасовский гуманизм не предполагал *братства* с «мужи-

⁴ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются номер тома и страница.

⁵ «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21–22).

⁶ «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин. 3: 14) и др.

⁷ «Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, тот злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья» (Иак. 4: 11); «Братия мои! имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица» (Иак. 2: 1).

ком» – в этом его принципиальное отличие от есенинского отношения к «страдальцу сохи с бороной»: «Тяжело и прискорбно мне видеть, / Как мой брат погибает родной» (т. 4, с. 32). Несамостоятельность поэтического языка отчасти компенсируется уже по-есенински звучащим образом – «жалости нежной»: «Или нет в тебе жалости нежной / Ко страдальцу сохи с бороной?» (т. 4, с. 32). Этот образ звучит как поэтическое воплощение толстовского «закона милосердия». Для Есенина незнакомый страдалец становится «братом родным», а творческая задача мыслится как призыв к борьбе с «неволей», «нуждой» «брата» и его близкой «гибелью».

Конечно, было бы неверно сводить есенинский идеал «брата человека» исключительно к религиозно-философскому содержанию трактата «В чем моя вера?»: не только потому, что в стихотворении явственно звучит демократическая традиция русской литературы. У Есенина риторика борьбы за права «брата» подразумевает разрешение на ненависть к его врагам: «И стараюсь я всех ненавидеть, / Кто враждует с его тишиной» (т. 4, с. 32), – что, конечно, шло вразрез с толстовством. Это же этическое противоречие возникает в стихотворении 1912 г. – «Поэт» («Не поэт, кто слов пророка...»):

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда – мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать
(т. 4, с. 29).

Нравственное кредо поэта включает в себя не только понимание *людей как братьев* и готовность за них страдать, но и идею борьбы с врагом. «Брату Человеку» и «Поэт» обнажают исток есенинской диалектики братства и скрытый в ней внутренний разлад, который остро заявит о себе в творчестве поэта в 1917 г. В революционные годы уже на новом этапе поэтической и мировоззренческой зрелости Есенин возвращается к философской дихотомии юности. Если раньше понимание *людей как братьев* оказывалось рядом с призывом «проливать с врагами кровь», то в революционные годы славословие «Нового Назарета» сопряжено не только с призывом «сгинуть», обращенным к непонимающим «чуда» русской революции, но – в более жесткой форме – «души бросать бомбами» (см. третье четверостишие поэмы «Небесный барабанщик» (1918): «Души бросаем бомбами, / Сеем пурговый свист» (т. 2, с. 69)).

Мифопоэтическим фоном этого полемического противостояния в художественном сознании Есенина было представление о социальной революции как революции духа: «Радуйтесь! / Земля предстала / Новой купели!» (т. 2, с. 26), – обращается Есенин к современникам в поэме «Певущий зов» (1917). Здесь же звучит мотив борьбы, сопряженный с пафосом утверждения национального чуда: «Сгинь, ты, английское юдо, / Расплещись по морям! / Наше северное чудо / Не постичь твоим сынам!» (т. 2, с. 27). Однако финал поэмы вступает в художественно-философское противостояние с этой непримиримой риторикой:

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!

Все мы – яблони и вишни
 Голубого сада.
 Все мы – гроздья винограда
 Золотого лета,
 До кончины всем нам хватит
 И тепла и света!
 Кто-то мудрый, несказанный,
 Всё себе подобя,
 Всех живущих греет песней,
 Мертвых – сном во гробе.
 Кто-то учит нас и просит
 Постигать и мерить.
 Не губить пришли мы в мире,
 А любить и верить!
 (т. 2, с. 28–29)

Вновь возникающий образ людей-братьев маркирует смену лирической тональности: восторженный пафос агитации уступает место поэтической проповеди о неприятии победы ценой крови. «Дань», которую вместе с победой приносит «кровожадный витязь», – это символический образ жертв. Риторике войны противопоставлена философия любви и веры, восходящая в том числе к Толстому. «Голубой сад» воплощает идею всечеловеческого братства и духовного всеединства: как и образ «виноградных гроздьев», он восходит к евангельской притче о виноградарях (Мф. 21: 33–42). Толстой дает такое толкование этой притче: «По учению Христа, как виноградаря, живя в саду, не ими обработанном, должны понимать и чувствовать что они в неоплатном долгу перед хозяином, так точно и люди должны понимать и чувствовать, что, со дня рождения и до смерти, они всегда в неоплатном долгу перед кем-то, перед жившими до них и теперь живущими и имеющими жить, и перед тем, что было и есть и будет началом всего» [Толстой, 1906, с. 115]. Есенин дает убедительное поэтическое воплощение толстовского «понимания и чувствования» того, что все люди живут в «саду» в «неоплатном долгу перед кем-то»: примечательно, что и в «Певущем зове» возникает глубокий символический образ «несказанного» «кого-то» с его победой над смертью и проповедью мудрости, «тепла и света», веры и любви. Трактат Толстого «В чем моя вера?» раскрывает неизбежность пути к подлинной вере («я не могу не верить в эти заповеди» [Там же, с. 199]) и утверждает абсолютную любовь как наивысшую ценность: «Сказать – подставить щеку, любить врагов – это значит выразить сущность христианства» [Там же, с. 115]. Строки поэмы «Певущий зов» «Ты не нужен мне, бесстрашный, / Кровожадный витязь» – это поэтический ответ Есенина на свой собственный вопрос, идущий еще с юности – проливать ли с врагами кровь за братьев. В финале «Певущего зова» Есенин дает однозначный отрицательный ответ: риторика борьбы преодолена. Евангельский исток образов «тепла и света» усилен для Есенина оптикой Толстого: «Христос прежде всего учит тому, чтобы люди верили в свет, пока свет еще в них» [Толстой, 1906, с. 139]. Писатель так комментирует слова из гл. 5 Евангелия от Матфея⁸: «Я верю, что разумная жизнь – свет мой на то только и дан мне, чтобы светить перед

⁸ «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

человеками не словами, но добрыми делами, чтобы люди прославляли Отца» [Там же, с. 208].

* * *

С именем Толстого в художественном сознании Есенина прямо связаны тема религиозного поиска и его путь к новому и истинному христианству. Впервые имя Христа возникает не в художественных произведениях Есенина, а в его письме Г. А. Панфилову в ноябре 1912 г.: «Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? *А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою* <курсив мой. – С. С.>, как в образец в последовании любви к ближнему» (т. 6, с. 25). С. И. Субботин раскрывает толстовский контекст этих строк, приводя в качестве доказательства цитаты из «Круга чтения» и сочинения Толстого «Путь жизни» (1911) [Субботин, 1999, с. 275–276]. Расширяя и углубляя выявленный исследователем контекст, можно привлечь следующий пассаж из трактата Толстого «В чем моя вера?»: «Учение Христа в том, чтобы возвысить Сына человеческого, т. е. сущность жизни человека – признать себя сыном Бога. В самом себе Христос олицетворяет человека, признавшего свою сыновность Богу» [Толстой, 1906, с. 120]. Есенинская вера в Христа «как в человека» является краеугольным камнем его пути к новому христианству. Ноябрьские рассуждения 1912 г. Есенин продолжит в письме Панфилову весной 1913 г.: «Гений для меня – человек слова и дела, как Христос» (т. 6, с. 33). Однако, как и в случае с Толстым, по отношению к Есенину нельзя говорить о его коренном расхождении с христианской традицией. Активная критика Толстым официального православия стала известна Есенину, судя по всему, довольно рано. Так, в трактате «В чем моя вера?» Толстой крайне отрицательно высказывается о популярном «Толковом молитвеннике» Д. И. Протопопова, который использовался на занятиях в Константиновском земском училище [Летопись..., 2003, с. 468]. Само название трактата вызывало резкую отповедь представителей церкви: «*Моя вера!* Вот и достаточно, совершенно достаточно этих двух слов! Известно ли вам, граф Толстой, что мы, православные, твердо и непреложно убеждены в том, что единая правая и спасительная вера – это вера православная, и что вне ее нет спасения? Представьте же себе, что мы, имея такое убеждение, дозволили бы вам и всякому беспрепятственно проповедовать свою веру: что из этого вышло бы?» [Андрей, инок..., с. 7]. Тем не менее представление Толстого о том, что человек «должен в своем собственном опыте открыть путь к вере, к Богу и обрести истинную религию» [Евлампиев, 2018, с. 94], находило отклик у читателей, в том числе и у Есенина. По сути Толстой санкционировал возможность свободной критической оценки христианских догматов и, как следствие, право каждого на «свою веру». Это право Есенин творчески реализовывал в цикле библейских поэм (1917–1919). «Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей» (т. 2, с. 61), – в эпатажной «Инонии» (1918) сокрыто переродившееся зерно толстовского учения. В революционные годы в творчестве Есенина неоднократно прямо или подспудно звучит мысль об историческом христианстве, которое «заслонило своей чернотой свет солнца истины» (т. 5, с. 212). Однако, как и Толстой, Есенин в лучших образцах и образах своего творчества приближается к «точному и глубокому выражению истинного христианства» [Евлампиев, 2018, с. 106]. Один из любимых обоими писателями сюжетов – сюжет древнерусского Пролога о Христе-госте и «*о некоем игумене, его же искуси Христос во образе нищаго*» [Буслаев, 1861, с. 44]. Есенину сюжет мог быть

известен из разных источников. Так, в личной библиотеке поэта были «Народные русские легенды» А. Н. Афанасьева (М., 1914) [Субботин, 2006, с. 341]. В состав этого сборника входит легенда «Марко Богатый». По легенде, Марко Богатому снится сон: «...приготовься де, Марко Богатый, и ожидай – сам Господь будет к тебе в гости!» [Афанасьев, 1914, с. 43]. Марко устроил большой пир, однако «не дождался Господа» [Там же, с. 44], вернее, не узнал его в убогом, «древнем-древнем» старичке, одетом в рубище. Есенин творчески переосмысливает этот сюжет в стихотворении «Шел Господь пытаться людей в любви...» (1914):

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.
Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный».
Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь»
(т. 1, с. 42).

Это стихотворение – высокий образец есенинского гуманизма – в качестве своего религиозно-философского истока имеет в том числе и проповедь милосердия Толстого: не только в ее последовательном изложении (сочинения «В чем моя вера?», «О жизни», «Путь жизни», «Христианское учение»), но и в художественном воплощении. Заглавная строка стихотворения Есенина созвучна главной духовной максиме позднего Толстого: «Кто в любви, тот в Боге и Бог в нем, потому что Бог есть любовь» [Толстой, 1886, с. 69]. В рассказе «Чем люди живы» эти слова произносит ангел, за послушание наказанный пребывать в облики странника: ему дает приют живущий в крайней бедности сапожник. Как и дед в стихотворении Есенина, сапожник Семен, разделяя со случайным «гостем» то немногое, что он имеет, проходит испытание любовью и состраданием: «И обнажилось тело ангела, и оделся он весь светом, так что глазу нельзя смотреть на него, и заговорил он громче, как будто не из него, а с неба шел его голос. И сказал ангел:

– Узнал я, что жив всякий человек не заботой о себе, а любовью» [Там же, с. 67].

Именно это пренебрежение «заботой о себе» во имя абсолютной любви и ради совершенно незнакомого человека составляет общий для Есенина и Толстого фундамент милосердия. То, что в финале рассказа ангел «весь одевается светом», не только является впечатляющей чертой его образа, но позволяет говорить о присутствии в произведении Толстого своего рода архетипа – *светлого гостя*. Этот же архетипический образ возникает в другом рассказе Толстого – «Где любовь, там и Бог». Фабула произведения Толстого восходит к анонимному переводу рассказа французского писателя Рубеня Сайяна «Отец Мартин» в журнале «Русский рабочий» (1884, № 1, с. 3–6) [Сизова, 2019], однако этот источник писатель вновь сочетает с проложным сюжетом об «игумене, к которому пришел Христос в образе нищего» [Державина, 1978, с. 167] и вновь переосмысливает его в том же ключе, что и в рассказе «Чем люди живы». Однако здесь *светлый*

гость – это «Сам Господь» [Толстой, 1885б, с. 14]. Главный герой рассказа – отчаявшийся после смерти сына сапожник Мартын Авдеич – переживает нравственное перерождение за чтением евангельского эпизода о Христе в доме Симона Фарисея: «Такой же, видно, как я, фарисей-то был. Тоже, я чай, только об себе помнил. Как бы чайку напиться да в тепле, да в холе, а нет того, чтобы об госте подумать. Об себе помнил, а об госте и заботушки нет. А гость-то кто? Сам господь. Кабы ко мне пришел, разве я так бы сделал?» [Там же, с. 14]. Дальнейшее развитие сюжета рассказа строится на мотиве *ожидания Христа-гостя*: «Христос ко мне идет» [Там же, с. 16], «все жду Его Батюшку» [Там же, с. 20]. Ожидая Христа в гости, Авдеич совершает благие дела, помогая дворнику, замерзающей женщине с ребенком, мальчику, укравшему у старой торговки яблоко. Финал рассказа раскрывает символический смысл этих встреч – испытаний любовью: «И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что точно он принял Его» [Там же, с. 35].

Архетипический образ Христа-гостя – *светлого гостя* – неоднократно встречается в рождественских рассказах, в том числе у Н. С. Лескова (рассказ «Христос в гостях у мужика», 1881). Этот контекст также важен для Есенина, равно как и евангельский эпизод о Христе у фарисея, проложный сюжет и упоминавшаяся выше легенда о Марко Богатом из сборника А. Н. Афанасьева. Однако, памятуя о словах Клейнбора, процитированных в начале статьи, все-таки следует иметь в виду народные рассказы Толстого («Чем люди живы» и «Где Бог, там и любовь») в качестве одного из важнейших источников образа *светлого гостя* в поэме Есенина «Преображение» (1917):

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.
Светлый гость в колыхаге к вам
Едет.
<...>
Зреет час преображенья,
Он сойдёт, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь
(т. 2, с. 54–55).

Конечно, художественно-философское содержание *светлого гостя* у Есенина иное по сравнению с наполнением этого образа у Толстого и в предшествующей литературной традиции. Отличие обусловлено историческим контекстом поэмы, а также той мифологией революции как вселенского духовного обновления, о которой было сказано выше. У Есенина *светлый гость* придет прежде всего для обездоленного мира: он едет в «колыхаге». Впрочем, здесь можно усмотреть скорее следование традиции. Авдеич у Толстого говорит: «Ведь тоже думаю, когда Он Батюшка по земле ходил, не брезговал никем, а с простецким народом больше водился. Все по простым ходил, учеников то набирал все больше из нашего брата, таких же как мы грешные, из рабочих» [Толстой, 1885б, с. 20]. Образ сеятеля, бросающего «новые зерна», выявляет принадлежность грядущего *светлого гостя* к крестьянской земледельческой культуре и одновременно вызывает в памяти евангельскую притчу о сеятеле. Восход «новых зерен» принесет новую жизнь, поэтому лирический герой Есенина так чает приход *светлого гостя*. Символиче-

ский образ «выржавленного гвоздя», который должен быть вынут из «распятого терпения», воплощает важную для Есенина этого периода идею веры «без креста и мук» (т. 2, с. 68). Она вызревала в противостоянии с религиозной философией сораспятия Н. А. Клюева и – в более широком смысле – как результат усвоения толстовского императива о праве на «свою веру». *Гвоздь и распятие* – это в том числе символы материальной стороны религии, которая заслоняет ее подлинный смысл. «Вынуть выржавленный гвоздь» – это изъять из христианской веры представление о «Боге, карающем людей вечными мучениями» [Толстой, 1908, с. 6]. Есенин, в том числе вслед за Толстым, утверждает подлинное христианство как религию любви и прощения, а не страдания и наказания. *Светлый гость* – это символический образ, который может быть прочитан как воплощение страстного чаяния поэта к новой религиозно-философской системе, фундамент которой составляют толстовские идеи: Бог есть любовь и «желание блага всему существующему» [Там же, с. 16].

Список литературы

- <Андрей, инок Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни Астраханской епархии> По поводу сказки графа Толстого Чем люди живы? Голос инок. СПб.: Синод. типография, 1887. 10 с.
- Архипова Л. А. Книжное собрание Государственного музея-заповедника С. А. Есенина // Издания Есенина и о Есенине: Итоги, открытия, перспективы / Отв. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: Наследие, 2001. С. 214–224.
- Афанасьев А. Н. Народные русские легенды / Ред. и предисл. С. К. Шамбинаго. М.: Современные проблемы, 1914. 316 с.
- Буслав Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1861. Т. 1. 643 с.
- Державина О. А. Прólogo в творчестве русских классиков XVIII–XX вв. и в фольклоре // Литературный сборник XVII века «Прólogo» / Подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др.; под ред. А. С. Демина. М.: Наука, 1978. С. 155–170.
- Евдокимова В. Ю. С. А. Есенин как последователь Л. Н. Толстого: педагогический аспект // Вестник Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2016. № 4. С. 86–97.
- Евлампиев И. И. Лев Толстой и поиски истинного христианства в русской философии // Философские науки. 2018. № 8. С. 90–107.
- Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 1. 672 с.; 1997. Т. 2. 464 с.; 1997. Т. 5. 560 с.; 1996. Т. 4. 544 с.; 1999. Т. 6. 816 с.
- Клейнборт Л. М. Встречи. Сергей Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 168–173.
- Круг чтения. Изд. второе, исправленное и дополненное Л. Н. Толстым. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1911. Т. 1. 303 с.
- Лекция о Л. Н. Толстом // Рязанские епархиальные ведомости, издаваемые при Братстве св. Василия Рязанского. 1911. № 4 (15 февр.). С. 170.
- Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1. 736 с.
- Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. 191 с.
- Русские писатели в выборе и обработке для школ [с ударениями] В. Мартыновского: В 3 т. Изд. 3-е, печатанное с изд. 1888 г. с дополнениями. Тифлис: Тип. А. А. Михельсона, 1889–1897.

Сизова И. И. История создания и поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 8. С. 53–60.

Субботин С. И. [Коммент.] // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1999. Т. 6. С. 235–745.

Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2006. С. 331–355.

Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог. М.: Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1885а. 35 с.

Толстой Л. Н. Упустишь огонь – не потушишь. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1885б. 35 с.

Толстой Л. Н. Чем люди живы. М.: [Посредник], 1886. 70 с.

Толстой Л. Н. В чем моя вера? М.: М. В. Клюкин, 1906. 223 с.

Толстой Л. Н. Христианское учение. 2-е изд. М.: Посредник, 1908. 104 с.

References

Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye legendy* [Folk Russian legends]. S. K. Shambinago (Ed.). Moscow, Sovremennye problemy, 1914, 316 p.

Andrey, inok Churkinskoy Uspensko-Nikolaevskoy pustyni Astrakhanskoy eparkhii [Andrey, monk of the Churkin Assumption-Nikolayev Desert of the Astrakhan diocese]. *Po povodu skazki grafa Tolstogo Chem L'udi zhivy. Golos inoka* [About Count Tolstoy's fairy tale "What people live by"? The voice of a monk]. St. Petersburg, Sinod. tip., 1887, 10 p.

Arkhipova L. A. Knizhnoye sobraniye Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika S. A. Ezenina [Book collection of the S. A. Yesenin State Museum-Reserve]. In: *Izdaniya Yesenina i o Yesenine: Itogi, otkrytiya, perspektivy* [Publications of Yesenin and about Yesenin: Results, discoveries, prospects]. Yu. L. Prokushev (Ed.). Moscow, Nasledie, 2001, pp. 214–224.

Buslaev F. I. *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical essays of Russian folk literature and art]. St. Petersburg, Tip. tov. "Obshchestvennaya pol'za", 1861, vol. 1, 643 p.

Derzhavina O. A. Prolog v tvorchestve russkikh klassikov 18–20 vv. i v fol'klore [Prologue in the works of Russian classics of the 18–20 centuries and in folklore]. In: *Literaturnyy sbornik 17 veka "Prolog"* [Literary collection of the 17 century "Prologue"]. O. A. Derzhavina, A. S. Demin, A. S. Eleonskaya et al (Comps.); A. S. Demin (Ed.). Moscow, Nauka, 1978, pp. 155–170.

Esenin S. A. *Poln. sobr. soch.: V 7 t.* [Complete works: In 7 vols.]. Moscow, Nauka – Golos, 1995, vol. 1, 672 p.; 1997, vol. 2, 464 p.; 1997, vol. 5, 560 p.; 1996, vol. 4, 544 p.; 1999, vol. 6, 816 p.

Evdokimova E. V. S. A. Yesenin kak posledovatel' L. N. Tolstogo: pedagogicheskiy aspekt [Sergey Yesenin as a follower of Leo Tolstoy: pedagogical aspect]. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2016, no. 4, pp. 86–97.

Evlampiev I. I. Lev Tolstoy i poiski istinnogo khristianstva v russkoy filosofii [Leo Tolstoy and the search for true Christianity in Russian philosophy]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2018, no. 8, pp. 90–107.

Kleinbort L. M. Vstrechi. Sergey Yesenin [Meetings. Sergey Esenin]. In: *S. A. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t.* [Sergey Yesenin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols.]. A. Kozlovsky (Intr., comp., and comm.). Moscow, Khudozh. lit., 1986, vol. 1, pp. 168–173.

Krug chteniya [Reading circle]. 2nd ed., rev. and enl. by L. N. Tolstoy Moscow, Tip. Tov. I. D. Sytina, 1911, vol. 1, 303 p.

Lektsiya ob L. N. Tolstom [Lecture about Leo Tolstoy]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti, izdavaemye pri Bratstve sv. Vasiliya Ryazanskogo*. 1911, no. 4 (February 15), p. 170.

Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Yesenina: v 5 t. [Chronicle of the life and work of Sergey Yesenin: In 5 vols.]. Moscow, IWL RAS, 2003, vol. 1, 736 p.

Prokushev Yu. L. *Yunost' Yesenina* [The youth of Yesenin]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1963, 191 p.

Russkiye pisateli v vybore i obrabotke dlya shkol (s udarenyami) V. Martynovskogo: V 3 t. [Russian writers, selected and arranged for schools (with stress marks) by V. Martynovsky: In 3 vols.]. 3rd ed. Tiflis, Tip. A. A. Mikhel'sona, 1889–1897.

Sizova I. I. Istoriya sozdaniya i poetika rasskaza L. N. Tolstogo “Gde lyubov, tam i Bog” [The history of creation and poetics of Leo Tolstoy's story “Where love is, God is”]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, iss. 8, pp. 53–60.

Subbotin S. I. Biblioteka Sergeya Yesenina [Sergey Yesenin's library]. In: *Yesenin na rubezhe epoch: itogi i perspektivy: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 110-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Esenina* [Yesenin at the turn of epochs: results and prospects: Materials of the Intern. sci. conf., dedicated to the 110th anniversary of the birth of Sergey Yesenin]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan', Pressa, 2006, pp. 331–355.

Subbotin S. I. Kommentarii [Comments]. In: *Esenin S. A. Sobr. soch.: V 7 t.* [Collected works: In 7 vols.]. Moscow, Nauka, Golos, 1999, vol. 6, 1999, pp. 235–745.

Tolstoy L. N. *Chem lyudi zhivy* [What people live by]. Moscow, Posrednik, 1886, 70 p.

Tolstoy L. N. *Gde lyubov' tam i Bog* [Where love is, God is]. Moscow, Tip. I. D. Sytina and Ko., 1885a, 35 p.

Tolstoy L. N. *Khristianskoye ucheniye* [The Christian teaching]. 2nd ed. Moscow, Posrednik, 1908, 104 p.

Tolstoy L. N. *Upustish ogon' ne potushish* [A spark neglected burns the house]. Moscow, Tip. I. D. Sytina, 1885b, 35 p.

Tolstoy L. N. *V chem moya vera* [What I believe]. Moscow, M. V. Klyukin, 1906, 223 p.

Информация об авторе

Светлана Андреевна Серегина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

Information about the author

Svetlana A. Seregina, Candidate of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 14.02.2025;

одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 27.02.2025

The article was submitted on 14.02.2025;

approved after reviewing on 27.02.2025; accepted for publication on 27.02.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3